

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 930.2:342.7(470)"1917/1953"

БЫЛО ЛИ У СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПРАВО НА ПОМОЩЬ? ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1917–1953 ГГ.¹

М. Галмарини

Советское понимание прав человека является неизученной темой в социальной истории XX в. В этой публикации рассматривается возможность ее изучения в послереволюционное и сталинское время (1917–1953 гг.) Автор обращает внимание на идеи, лежавшие в основе защиты прав «маргинальных» групп советского общества. Предлагаются оригинальные методы и новые источники по истории социальной защиты инвалидов, детей с отклонениями в развитии, матерей-одиночек и политзаключенных.

Ключевые слова: социальная помощь, правовая защита, права человека, социальное обеспечение, маргинальность, инвалиды, дефективные дети, матери-одиночки, политические заключенные.

Накануне русской февральской революции 1917 г. в среде русской интеллигенции и рабочих-активистов сформировалось представление о том, что все люди заслуживают уважения и что у всех есть право на материальную помощь и моральную поддержку [1–6]. Революционное время (1905–1917 гг.)² наделило подданных царской империи определенным правосознанием [1, 7–9]. Абстрактное понятие прав человека, зародившееся в годы французской революции XVIII в., становилось частью русской реальности. Вот, например, как описывалось в газете «Русское слово» положение семей солдат, служивших в Японии в 1905 г. «Остро нуждаясь», они обратились к властям по месту их жительства за денежным пособием, но местные земства не обратили внимания на нужды солдатских семей. Автор статьи осуждающе прокомментировал ситуацию: «Это их *право* получить пособие, а оказывается, что фактически осуществление этого права превращается в прошение милостыни» (курсив в оригинале). Помощь семьям солдат предусматривалась не только законом («солдатские семьи, по закону, имеют право на пособие»), но и политическими соображениями («...экономия на счет этих пособий в данное время может поддерживать среди деревенского населения такое настроение, которое во всех отношениях является крайне нежелательным»), или главным образом справедливостью («...было бы вполне справедливым подумать и о судьбе семейств убитых на войне, а равным образом и о судьбе как искалеченных, так и их семей»). В заключении корреспондент кратко изложил свое мнение: «Это наш священный долг. Семьи убитых не могут быть предоставлены воле судеб. Искалеченный – не работник и не кормилец семьи. Наоборот, он явится тяжким бременем для семьи... Государство не может отказаться от своего прямого долга»³. В другой статье на ту же тему утверждалось, что «семейства призванных из запаса не могут быть оставлены на произвол судьбы... Общество и государство обязаны заботиться о семействах тех, кому пришлось бросить близких, родных и стать в ряды армии»⁴. Подобным образом жена генерала Стесселя описывала положение одного солдата, потерявшего ноги и руки, но пережившего войну и стремящегося к жизни: «Он хочет жить, он имеет право на это»⁵. В кругозоре представлений русских людей того времени страдающие должны были получить помощь, потому что они имели на нее право. В январе 1917 г. один журналист критиковал ситуацию, при которой богатым было предоставлено много прав, а «беднота, искушенная нуждою, должна даже отказаться от человеческих прав»⁶.

Что случилось после Октября с дискурсом, связывающим помощь нуждающимся с правами человека? Сопоставление слов «помощь», «право» и «Советский Союз» может показаться сомни-

тельным и даже академически экстравагантным. Как правило (и обоснованно), историки трактуют послереволюционные годы и эпоху сталинизма как время разжигания ненависти ко всем тем, кого советская власть считала «чужими» или «врагами». Однако мне кажется, что в публичном дискурсе вражда и злоба сосуществовали с представлениями о правах человека. В деле помощи страдающим и нуждающимся идея прав «трудящихся» сочеталась с мерами отчуждения, маргинализации и исключения из политической жизни некоторых социальных групп. Анализируя то, как советские «маргинальные» люди обращались за помощью к властям и общественным организациям, историки могут выяснить, каким образом помощь соотносилась с понятиями прав человека. Мне пока неизвестно, было ли у советских людей представление о том, что они имеют право на помощь, но я уверена, что историкам пора задуматься над этим вопросом. В этой статье я предлагаю новый теоретический подход к данной проблеме и оригинальные методы ее решения.

Неизученная история права советского человека на помощь заслуживает внимания по ряду причин. Оказание помощи – один из ведущих показателей уровня развития социума. Любое общество ярче проявляет себя в том, как оно заботится о своих нуждающихся гражданах. Другими словами, положение страдающих выявляет широкий социальный контекст, и в особенности характер отношений между обществом и властью [10]. История социальной помощи проливает свет на то, как люди реагируют на реалии политической системы в тех случаях, когда затрагиваются их непосредственные интересы. Наконец, анализируя представления о праве на помощь, сложившиеся в советскую эпоху, мы сможем понять, как правовые идеи того времени оказывают влияние на постсоветские практики социального обеспечения и защиты.

Закон, гражданство и социальное обеспечение

В англоязычной историографии эпохи сталинизма исследователи нередко утверждают, что партия и государство не признавали никаких правомочий своих граждан. Представляемая в этой статье концепция права советского человека на помощь полемизирует с тремя направлениями в историографии: литературой о правовой системе, о понятии гражданства и о социальном обеспечении.

В американской литературе по праву, в рамках так называемого «тоталитарного» подхода, Советский Союз характеризуется как система, в которой совершенно игнорируются индивидуальная свобода и неотчуждаемые, естественные права человека. Советские граждане представляются как люди, страдающие от контроля всемогущих диктаторов. Сторонники социальной истории многократно опровергали логику и аргументы концепции тоталитаризма. Однако эта полемика не окончена, и наиболее парадоксальные процессы эпохи сталинизма по-прежнему обсуждаются в рамках «тоталитарного» подхода. Рассмотрим, как американские ученые П. Соломон, Дж. Газард, и А. Гетти интерпретируют сталинскую Конституцию 1936 г. Она декларировала многие права человека, тогда как реальная советская власть лишала тысячи граждан самых элементарных прав. Вышеназванные ученые предположили, что власть стремилась сохранить видимость законности, нормальности и справедливости перед лицом отечественной и зарубежной общественности. «Законности» придавалось большое значение, но законности *социалистической*: все правовые нормы были пропитаны классовыми принципами, поскольку считалось, что справедливая правовая система должна опираться на классовые устои общества. Другими словами, для историографии советского законодательства характерно представление о том, что в правовых вопросах политическая и экономическая целесообразность была важнее, чем следование нормам законодательства [11–13].

Американский ученый Т. Г. Маршал предложил принципиальную для данной публикации классификацию видов гражданства [14]. Он различал гражданство собственно гражданственное (civil), политическое (political) и общественное (social): «Гражданский элемент подразумевает права, незаменимые для реализации личной свободы – принципы неприкосновенности личности, свободы речи, мысли и веры... Под политическим элементом я имею в виду право на участие в реализации политической власти... Под социальным элементом я понимаю целый ряд прав, включающих как право на минимальное экономическое обеспечение и гарантии, так и право на пользование всеми благами и богатствами цивилизованного общества».

В СССР сформировалось именно социальное гражданство, в основе которого лежали представления о рабочих группах и о трудоспособности каждого человека [15]. Иначе говоря, социалистический классовый принцип, о котором уже говорилось, повлиял и на понятие гражданства. Кроме того, представления о рабочих группах и трудоспособности отражались и на избирательных

правах человека. В фундаментальной книге о советском законодательстве Г. Алексопулос выявила, какие группы были вовлечены в сферу политики, а кто исключался из нее лишением избирательных прав [16]. Ей удалось доказать, что представления о советском гражданстве выражались в наборе обязанностей и прав. Труд был центральной обязанностью всех граждан и определял наличие или отсутствие права на материальную поддержку со стороны государства. Алексопулос доказывает, что советская концепция прав сильно отличалась от западной либеральной идеи, основанной на том, что закон одаряет всех индивидуальными, неотчуждаемыми правами и что формальные, официально признанные права должны возобладать над социально-политическими отношениями. Разница между административными правами («entitlements») и юридическими правами («rights») не играла существенной роли в годы сталинизма. Согласно советской юридической теории права проистекали из установлений государства и зависели от политической конъюнктуры [13, 17–20].

По мнению американских ученых Б. Мадизон, Г. Римлингера, А. Мак-Аулей и А. Нове, в советской системе социального обеспечения действовало специфическое «правило исключения». В соответствии с этим правилом из системы соцобеспечения исключались иждивенческие члены общества, что давало значительные преимущества работающим и стимулировало их к более интенсивному труду. В аргументации этих историков сталинская практика социального обеспечения была пустой риторикой, а о каком-либо значительном улучшении в этой области можно говорить только с хрущевского времени [21–24].

С открытием российских архивов в 1990-е гг. для западных исследователей открылись новые возможности понимания сталинской системы соцобеспечения. Изучая ранее недоступные материалы, С. Коткин предложил новую интерпретацию этого явления. С его точки зрения сталинская социальная политика представляла собой современный государственный проект, нацеленный на усиление системы социального страхования [25]. В новейшей литературе исследователи обращают внимание на разницу между практиками социального обеспечения 1930-х и 1940-х гг. В довоенные годы власть предпочитала использовать социальное обеспечение в качестве мобилизации и вознаграждения за интенсивный труд. После войны «гуманность» (т. е. внимание властей к потребностям человека) стала важной основой для политики социального обеспечения. Кроме того, до Отечественной войны господствовало упомянутое «правило исключения», тогда как послевоенная система предоставляла равный доступ к социальной помощи всем общественным группам [26–30].

Таким образом, литература о законности и гражданстве сосредоточилась на вопросах предоставления или лишения политических прав. Исследователи системы социального обеспечения в основном изучали социальные преимущества, не связывая их с понятиями прав. Алексопулос, стремясь навести мосты между двумя историографическими традициями, показала, что люди, лишённые прав, умели «бодро и успешно» пользоваться системой, которая их дискриминировала [31–32]⁷. Рассмотрение самого понятия о «праве на помощь», которое я предлагаю в этой статье, дает возможность историкам советского права, гражданства и социального обеспечения найти общий язык и выработать новый теоретический подход к изучению малоисследованных маргинальных групп общества.

Теоретические проблемы в изучении «права на помощь»: исторический ориентир и отношения между государством и обществом

Каким должен быть наш исторический ориентир, когда мы обсуждаем тему прав человека в их отношении к понятию социальной защиты? Термин «права человека» опирается на понятие человечности и на концепцию права, изложенные во Всеобщей декларации 1948 г. Диссиденты хрущевского и брежневского времени взывали к этой декларации [33–36]. Современные историки, критикующие Советский Союз за нарушение прав человека, также ищут ориентир в Декларации 1948 г. Однако для дальнейшего обсуждения поставленной в этой статье проблемы необходимо решить важный и сложный вопрос: нужна ли нам «систематизирующая перспектива» Всеобщей Декларации для понимания особенностей социальной политики Советского Союза 1917–1953 гг. [37]⁸?

Ответ на этот вопрос подобен плаванию по морю между Сциллой и Харибдой. Отрицательный ответ означал бы отказ от универсального ориентира и привел бы нас в ловушку постмодернистского релятивизма («everything goes» – возможно все). Положительный ответ означал бы некорректное применение западных понятий послевоенного времени к советской России первой по-

ловины XX в. Этот ответ привел бы нас к европоцентризму. Какой же теоретический аппарат и ориентир следует использовать для того, чтобы объяснить особенности советских представлений о правах человека, не оправдывая их многочисленные нарушения и зверства сталинизма, ссылаясь на уникальность сталинской социокультурной системы? Этот вопрос связан с концептуальной и политической дилеммой: как можно говорить о правовых принципах общества и при этом не потонуть ни в культурном партикуляризме, ни в универсальной риторике западного универсализма?

Чтобы плыть по этому опасному морю и не разбить корабль, я выбрала в качестве ориентира «право на помощь». Эта формула позволяет историку концептуализировать права человека в разных областях, в которых проявлялись разнообразные модели советской субъективности. Поставив в центр исследования «право на помощь», мы можем обрисовать динамику сталинского общества, не потеряв из виду его связь с предшествующим дореволюционным миром, с последующим пост-сталинским социумом, не забывая и о международном контексте. В данном случае слово «право» является не юридическим термином, а скорее идеей и социальным чувством. Таким образом, вопрос, поставленный в названии этой статьи, надо переформулировать. Вместо ответа на вопрос «было ли у советских людей право на помощь?» надо выяснять, относили ли советские люди право на помощь к самим себе или нет?

Когда историки изучают вмешательство советской власти в жизнь граждан, они находят мало свидетельств, доказывающих наличие правовых понятий в советской России. Но если взглянуть не только на дела государства, но и на слова и действия граждан, то картина меняется. Историкам стоит обратить внимание на трех «действующих лиц». На людей, претендующих на право на помощь; на государственных деятелей, откликающихся на эти требования и старающихся поддержать равновесие между социалистическими идеалами и отсутствием ресурсов у государства; и, наконец, на общественных деятелей, заступающих за граждан и всячески помогающих им. «Право на помощь» как бы висит в паутине значений, заданных этими тремя действующими лицами. Власть, граждане и общественные деятели по-разному понимали, кому предоставлять права и кто должен был от них отказаться. Характер отношений между властью и обществом становится яснее, когда мы анализируем, как власть, граждане и общественные деятели понимали права бедных и нуждающихся граждан в жестких условиях сталинской системы.

Маргинальность: источники и методы ее изучения

Чтобы ответить на поставленные вопросы, я предлагаю проанализировать исторический опыт маргинальных (находящихся на периферии советского общества) групп – инвалидов (слепых и глухонемых), детей с различными отклонениями в развитии (дефективных), матерей-одиночек и политических заключенных. Каким образом эти группы думали и говорили о своих правах? Как эти четыре группы нетрудящихся граждан реагировали на дискриминирующее их законодательство и требовали реализации своего права на помощь? Другими словами, как они жили при сталинизме? Мое исследование находится в самом начале; но и на данном этапе совершенно ясно, что они боролись за жизнь в системе, которая многое им обещала, но не имела ресурсов (или желания) для выполнения этих обещаний.

Советская власть контролировала распределение материальных ресурсов из гипертрофированного политического центра⁹. Например, в документах об организации Пермского Губсобеса в 1920 г. предлагался список категорий граждан, для которых государственная помощь являлась обязательной. В него входили: жертвы контрреволюции, инвалиды войны, пенсионеры, инвалиды труда и многодетные рабочие. Цель деятельности Пермского Губсобеса определялась так: «полное обеспечение трудящихся» и «нормальное, правильное и быстрое обеспечение их семейств»¹⁰. Слепые и глухонемые инвалиды, дефективные дети, матери-одиночки и политзаключенные не могли трудиться и поэтому были вынуждены искать другие способы интеграции в общество и получения прав на материальное пособие со стороны государства. В этом процессе маргиналы трансформировали представления о правах человека в первом государстве социализма¹¹.

Какие правовые и институциональные начала лежали в основе требований слепых и глухонемых граждан? На какие чувства и эмоции могли они ссылаться? В советском контексте инвалиды составляли уникальную общественную группу, не связанную с двумя важными догматами советского официального дискурса: принципами классовости и просвещения отсталых. Слепые и глухонемые с трудом вписывались в эти рамки. Так Георгий Иосифович Гринберг, сотрудник Наркомпроса, информировал В. Ленина о положении русских глухонемых в письме, датированном 10 ав-

густа 1920 г.: «Они все темные и неграмотные. Всем хорошо известно, что в России мы ликвидируем неграмотность, но по отношению к глухонемым никто не говорил или думал о том, как ликвидировать неграмотность». Гринберг утверждал, что необходимо поднимать «вопрос о глухонемых» на собраниях Совнаркома и ВЦИКа, и старался объяснить, что решение этого вопроса находится в интересах рабочих всего мира: «...я, как коммунист, обязан отдать все свои силы и знания народу-глухонемым, ибо Революция требует это»¹². Объяснение Гринберга звучит как-то неуклюже и неубедительно. Поскольку инвалидность, в отличие от отсталости, невозможно преодолеть, могли ли инвалиды трансформировать свою маргинальность в «право»? Иначе говоря, что означало и как менялось значение инвалидности в изучаемый период? Существуют несколько источников, из которых мы можем выявить мотивы и практики поведения слепых и глухонемых в вопросах социальной помощи. Это архивные материалы и периодические издания Всероссийского общества слепых (ВОС) и Всероссийского общества глухонемых (ВОГ). Кроме того, изучение некоторых личных архивных фондов позволило бы интегрировать историю этих учреждений с историей повседневной жизни.

Когда речь шла о детях, советская наука ставила себе задачу решать реальные медицинские проблемы наряду с социальными и псевдонаучными вопросами. В послереволюционные и сталинские времена в основе советской дефектологии лежала идея сильной взаимосвязи физических и общественных девиаций. Эта дисциплина ставила на одну доску беспризорных детей, детей-инвалидов, а также несовершеннолетних преступников и всех их называла «дефективными». Она отличалась искренним и идейным активизмом, призванным показать, что помощь могла быть образовательным инструментом и преобразовательным механизмом. Когда отдел охраны здоровья детей (при Наркомпросе) организовал I Всероссийский съезд по борьбе с детской дефективностью в июне 1920 г., заведующий отделом Е. Радин подчеркнул важность «политическо-просветительной работы» с глухонемыми детьми. Другой заведующий отделом – А. И. Елизарова заявила, что обслуживать «морально-дефективных» можно только способом «специального воспитания и образования»¹³. В «Докладной записке по вопросу забронирования всех зданий принадлежащих учебно-воспитательным учреждениям для слепых и глухонемых детей, от употребления и полного занятия другими ведомствами для всех иных целей» объяснялось, что, когда слепой ребенок включается в образовательную систему, он превращается в гражданина, который умеет не только самостоятельно поддерживать себя, но и быть полезным государству¹⁴.

Опираясь на теорию М. Фуко, нетрудно обосновать, что у «помощи» могут быть дидактические и дисциплинарные основания. Представление о «праве на помощь» также лежало в основе советского специального образования для дефективных детей. Например, подотдел правовой защиты детей взял на себя заботу о беспризорных и несовершеннолетних заключенных. Он старался защищать интересы «морально-дефективных» детей, настаивая на том, чтобы они помещались в специальные дома, отдельно от взрослых преступников, поскольку необходимо было предупредить отрицательное влияние взрослых преступников на несовершеннолетних¹⁵. Как видим, мотив защиты смешивается с образовательным мотивом. На этом сочетании настаивал уже упомянутый Г. И. Гринберг, который определил свою работу с глухонемыми детьми как «социальное обеспечение и воспитание»¹⁶. Мне кажется, что личные архивные фонды, статьи и книги советских дефектологов, журналы и материалы съездов этой профессиональной ассоциации позволили бы подробнее выявить концепции помощи дефективным детям.

В официальном дискурсе идеальный «новый советский человек» соответствовал мужскому гендерному стереотипу. Маргинальные группы в рамках советского общества феминизировались, т.е. превращались в пассивных и зависимых субъектов. Слепые и глухонемые, матери-одиночки, беспризорные и дети-инвалиды, а также политзаключенные часто концептуализировались как отклонения от нормы – здорового работающего мужчины. Представляется, что изучение темы помощи одиноким матерям позволяет решить два важных вопроса: каким образом послереволюционное и сталинское социальное обеспечение феминизировало маргинальных людей и каким образом сами женщины откликались на гендерный язык, представлявший их исключительно как жертв обстоятельств [38–41].

Приведу пример. В циркулярном письме от 10 июня 1924 г., комиссар Наркомздрава П. Семашко, заместитель комиссара Наркомпроса В. Яковлева и комиссар Наркомюста Д. Курский напоминали всем губернским судам, отделам здравоохранения и образования, что «советское зако-

нодательство содержит в себе широко разработанную систему норм, охраняющих права женщины-матери..., а между тем их неосведомленность и юридическая беспомощность... мешают им защищать права свои и ребенка. Одной из наиболее действительных мер, направленных на защиту этих прав, является широкая и планомерная организация юридической помощи по охране материнства и младенчества...»¹⁷. Циркуляр далее требовал, чтобы все учреждения, ведавшие делом охраны матери и ребенка, выступали «в целях популяризации прав женщин и ребенка по советскому законодательству и возможного приближения юридической помощи широким массам трудящихся женщин и нуждающимся в защите детей». П. Семашко, В. Яковлева и Д. Курский уговаривали губернские президиумы коллегий защитников обратить должное внимание на права женщин. При разработке планов для юридических консультаций губсуды должны были назначать членов из коллегии защитников, которые регулярно работали с женщинами. К тому же, они должны были основать отдельные консультации по делам материнства и младенчества. Три названных комиссара далее рекомендовали всем судебным деятелям, прокурорам и членам коллегии адвокатов «активно заниматься» в советах социальной помощи при отделах охраны материнства и младенчества, в секциях социальной и правовой защиты детей при ОНО и в Женотделе. Чтобы забота о детях и матерях и защита их интересов были ясны всем советским гражданам, члены коллегии защитников должны были организовать беседы с матерями и объяснить им, что советский закон защищает их права¹⁸. В циркулярах отдела охраны материнства и младенчества часто говорилось, что беременные женщины и кормящие матери имеют «права на получение пособий»¹⁹.

На основе архивных фондов женских организаций можно изучать, как сами женщины откликнулись на эти государственные распоряжения. Центральные и местные фонды преисполнены просьб отчаявшихся вдов и брошенных матерей, потерявших кормильцев. Их многочисленные «жалобы и заявления» являются бесценными источниками. На их основе можно анализировать идеи, слова и образы, которыми пользовались советские женщины с целью получения помощи. Просительницы регулярно употребляли специфический гендерный язык. Следуя государственным распоряжениям, советские женщины ссылались на семейные обстоятельства и на свои личные женские страдания, чтобы утвердить законность своих требований на помощь. Так в заявлениях, сохранившихся в фонде Деткомиссии, женщины рассказывают, как они обращались в консультации Губсудов по делам материнства и младенчества²⁰. Среди архивных материалов Пермского женотдела я видела маленький кусочек бумаги, на которой некая Марфа Григорьевна вручную написала следующее заявление к городскому комитету: «Товарищи прошу помощи, так как я беременна уже 5 м»²¹. Заявление представляется совершенно безграмотным; оно показывает женскую подчиненность и подобострастие. В то же время в нем чувствуется самоутверждение и правосознание.

Помощь политическим заключенным демонстрирует парадоксальное сосуществование в публичном дискурсе двух языков: языка ненависти (выраженного в том числе в формуле «враги народа») и языка достоинства и прав человека (выраженного в помощи страдающим зекам и их семьям). Советская власть одновременно лишила свободы тысячи ее реальных и выдуманных политических противников, а также допускала легальное существование общества Политического Красного Креста (ПКК), чья основная задача заключалась в помощи политическим заключенным. ПКК действовал в Советском Союзе с 1918 по 1937 г. [42–46]. Изучение материалов этой организации позволяет выяснить теорию и практику оказания помощи самым маргинализированным людям советского общества.

Дела, сохранившиеся в обширных архивных фондах ПКК, показывают, как обычные советские граждане, попав в тюрьму, требовали своего освобождения, уменьшения срока наказания или более гуманного обращения. Иногда заключенные выражали свое представление о несправедливости: в письме к ОГПУ некий Н. А. Иванов считал, что «данное постановление по отношению ко мне не справедливо»²². Иногда политзаключенные просто старались понять, была ли у них какая-нибудь возможность получать помощь. К примеру, в 1927 г. некий Г. И. Иванов-Чернец отчаянно спрашивал: «Подать ли куда-нибудь заявление... или все это будет бесполезно?»²³. В этих источниках мотив «права на помощь» часто связывается с гендерной мотивацией. Например, в письме Е. П. Пешковой, председателю ПКК, заключенный Анисимов старался вызвать сочувствие к его матери: «Моя мученица и страдальца мать, 5-й год не покидающая постели, осталась совершенно одинока и беспомощна... во имя человечности, прошу пожалеть не меня, а ее несчастную, войти в ее абсолютно беспомощное положение». Но кроме беспомощности его матери, Анисимов напоми-

нает и о ее правах: «Я думаю, она вправе в таком безвыходном положении рассчитывать на мое возвращение» (подчеркнуто в оригинале)²⁴. Читая подобные ходатайства, историки могут представить, на какие рациональные доводы и эмоциональные чувства опирались заключенные, обращаясь за помощью к ПКК и к представителям властей. Фонды ПКК содержат письма, написанные членами этого общества. «Краснокрестовцы» вели активную переписку с заключенными и с различными органами советской власти. Текстуальный и сравнительный анализ этих материалов позволяет понять, как общественные деятели обосновывали право заключенных на помощь и свои собственные права на гуманитарную деятельность в рамках советского режима.

Дискурс о правах человека и их соотносительности с понятием социальной защиты был очевиден как в годы накануне большевистской революции, так и в годы после смерти Сталина. В этой публикации я предложила посмотреть на эпоху между этими двумя историческими рубежами. Период 1917–1953 гг. вызывает интерес, поскольку он почти не изучен в вопросах прав и социальной помощи. В то же время это были годы частых и бурных перемен. Полагаю, что понятия прав, сложившиеся в первые годы большевистского режима, сильно изменились после сталинской культурной революции в конце 1920-х гг. Кроме того, время между введением первого пятилетнего плана и смертью Сталина отмечено такими важными переломными процессами, как индустриализация и коллективизация, провозглашение сталинской конституции и проведение чисток, Отечественная война и послевоенная реконструкция. Историкам стоит проследить, как эти процессы изменили представления и чувства советских людей в вопросах социальной помощи. Чтобы выяснить значение слова «право» в этих хронологических рамках, я предлагаю проанализировать коннотации фраз и увязать их с историческими фактами. Этот метод обращает внимание на семантическое значение понятий и позволяет начертить их меняющуюся социальную конструкцию [47–49]. Такой подход позволяет историкам понять, какие идеи подталкивали маргинализированных советских граждан требовать помощь. Он также освещает важные и малоизученные вопросы инвалидности и достоинства, гендерных ролей, политических убеждений и (пре)образования личности.

Примечания

¹ Данная публикация стала возможной благодаря исследовательскому гранту исторического факультета Иллинойского университета (США, 2008), помощи библиотекарей славянской библиотеки того же университета и сотрудников архивов ГАРФа в Москве, ГАПК и ПермГАНИ в Перми. Автор приносит благодарность профессора Дайэн Коенкер, Марку Steinbergу, Джону Рандолфу, Марии Тодоровой, Антуанетт Буртон и Галине Янковской, которые познакомились с первым вариантом работы и сделали ряд ценных замечаний.

² Я ссылаюсь на историографическую традицию, представляющую период 1905–1917 (или даже 1921) гг. как «длинную» революционную эпоху.

³ Наш долг // Русское Слово. 1905. 6 марта. С. 2.

⁴ Неотложная нужда // Русское Слово. 1905. 20 июня. С. 2.

⁵ На помощь калекам // Русское Слово. 1905. 25 февр. С. 2.

⁶ Око, Лишние рты // Ежедневная Газета-Копейка. 1917. 22 янв. С. 3.

⁷ *Alexopoulos Stalin's Outcasts*, Алексопулос, конечно, ссылается на Джаймса Скота. Книга Питера Гатрелла представляет еще один интересный пример этого подхода и аргументации. Она посвящена положению беженцев Российской империи во время Первой мировой войны. Понятие беженцев как «маргинальной», но самоутверждающейся группы российского общества в начале XX в. является ключевым для моей трактовки понятия «маргинальность» в советскую эпоху.

⁸ Вопрос поднимает, между прочим, историк Бехруз Гамари-Табризи, которому принадлежит фраза «систематизирующая перспектива». Гамари-Табризи обсуждает академические дискуссии насчет риска потерять универсальный ориентир на с. 4–9.

⁹ В моей диссертации я использую сравнительную перспективу с целью анализа «права на помощь» как в центре, так и в краях территории. Я изучаю, как советские маргинальные люди относились к понятиям прав и к практике обеспечения в Москве, в Перми и в Нижнем Новгороде. Пермь и Нижний Новгород представляются обычными русскими городами среднего размера.

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 60. Л. 2, 5–9.

¹¹ Предлагаемая классификация маргинальных групп не отражает никакой официальной категоризации. Выбор связан с обществами помощи, действующими в выбранных хронологических рамках. Надо иметь в виду, что в моем исследовании я обращаю внимание только на обычные, не-катастрофические ситуации, в которых у маргинальных людей было максимальное право требовать помощь, а у власти были минимальные причины отказать в ней. Поскольку невозможно охватить все многообразные виды помощи, я решила пока не исследовать эту тему среди нерусских групп советского общества или религиозных меньшинств.

- ¹² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 383. Л. 31.
¹³ Там же. Л. 30 и Л. 28. А. И. Елизарова – сестра В. И. Ленина.
¹⁴ Там же. Д. 432. Л. 3.
¹⁵ Там же. Д. 383. Л. 29.
¹⁶ Там же. Л. 31.
¹⁷ Там же. Д. 3058. Л. 2–3.
¹⁸ Там же.
¹⁹ См. например: ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 188. Л. 19–20.
²⁰ В рамках этого проекта я читала 130 заявлений в фонде Деткомиссии. ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 480.
²¹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 122. Л. 206.
²² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 157. Л. 30.
²³ Там же. Л. 8.
²⁴ Там же. Д. 715. Л. 8–9.

Список литературы

1. *Steinberg M.* Voices of Revolution. New Haven, 2001.
2. *Lindenmeyer A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
3. *Riasanovsky N.* A parting of ways: government and the educated public in Russia. Oxford, 1976.
4. *Berlin I.* Russian Thinkers. N.-Y., 1978.
5. *Walicki A.* A history of Russian thought. Stanford, Calif., 1979.
6. *Иванов Р. В. (Иванов-Разумник)* История русской общественной мысли. Санкт-Петербург, 1914.
7. *Steinberg M.* Proletarian Imagination. Ithaca, 2002.
8. *Smith S. A.* The Russian Revolution: a very short introduction. Oxford; N.-Y., 2002.
9. *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. Oxford; N.-Y., 2008.
10. *McCagg W. O., Siegelbaum L., eds.* The Disabled in the Soviet Union. Past and Present, Theory and Practice. Pittsburgh, 1989.
11. *Getty A.* State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // *Slavic Review*. 1991. 1 Spring. № 50. P. 18–35.
12. *Hazard J.* Settling Disputes in Soviet Society. N.-Y., 1960.
13. *Solomon P. H.* Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge; N.-Y., 1996.
14. *Marshall T. H.* Class, Citizenship, and Social Development. N.-Y., 1964.
15. *Alexopoulos G.* Soviet Citizenship, More or Less. Rights, Emotions, and States of Civic Belonging // *Kritika*. 2006. 3 Summer. № 7. P. 487–528.
16. *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; L., 2003.
17. *Huskey E.* Russian Lawyers and the Soviet State. Princeton, 1986.
18. *Kimmerling E.* Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // *Russian Review*. 1982. 1 January. № 41. P. 24–46.
19. *Ewing S.* Social Insurance in Russia and the Soviet Union, 1912–1933: a study of legal form and administrative practice: Ph.D. Dissertation. Princeton University, 1984.
20. *Schlesinger R.* Soviet Legal Theory. L., 1946.
21. *Madison B. Q.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968.
22. *McAuley A.* Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality. Madison, 1979.
23. *Nove A.* Is the Soviet Union a Welfare State? // Inkeles A., Geiger K., eds. *Soviet Society: a Book of Readings*. Boston, 1961.
24. *Rimlinger G. V.* Welfare Policy and Industrialization in Europe, America, and Russia. N.-Y., 1971.
25. *Kotkin St.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkley, 1995.
26. *Burton C.* Soviet Medical Attestation and the Problem of Professionalization under late Stalinism, 1945–1953 // *Europe-Asia Studies*. 2005. 8 December. № 57. P. 1211–1229.
27. *Edele M.* Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // *Slavic Review*. 2006. 1 Spring. № 65. P. 111–137.
28. *Bucher G.* Struggling to Survive: Soviet Women in the Post-War Years // *Journal of Women's History*. 2000. 1 Spring. № 12. P. 137–159.
29. *Filtzer D.* Soviet Workers and Late Stalinism: Labor and the Restoration of the Stalinist System after World War II. Cambridge, 2002.
30. *Manley R.* Where should we resettle the comrades next? The adjudication of housing claims and the construction of the post-war order // *Furst J.* Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention. L.; N.-Y., 2006.
31. *Scott J.* Domination and the arts of resistance: hidden transcripts. N.-Y., 1990.
32. *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.
33. *Walker B.* Pollution and Purification in the Moscow Human Rights Networks of the 1960s and 1970s // *Slavic Review*. 2009. 2 Summer. № 68 (в печати).

34. *Reddaway P.* Uncensored Russia: The Human Rights Movement in the Soviet Union. N.-Y., 1972.
35. *Alekseeva L.* Soviet Dissent: Contemporary Movements for National, Religious, and Human Rights. Middeltown, Conn., 1985.
36. *Clementi M.* Storia del dissenso Sovietico (1953–1991). Roma, 2007.
37. *Ghamari-Tabrizi B.* Islam and Dissent in Post-Revolutionary Iran. L., 2008.
38. *Gerber D. A.* Disabled Veterans, the State, and the Experience of Disability in Western Societies, 1914–1950 // *Journal of Social History*. 2003. 4 Summer. № 36. P. 899–916.
39. *Phillips L. L.* Gendered Disability: Perspectives from the Treatment of Psychiatric Casualties in Russia's Early twentieth-Century Wars // *Social History of Medicine*. 2007. 2 August. № 20. P. 333–350.
40. *Smith B. G., Hutchinson B., eds.* Gendering Disability. New Brunswick, 2004.
41. *Kaganovsky L.* How the Soviet Man was (Un)Made // *Slavic Review*. 2004. 3 Autumn. № 63. P. 577–596.
42. Новые материалы о преследовании за веру в Советском Союзе. Опросные листы и карточки арестованных, письма заключенных и их родственников (по материалам архива Политического Красного Креста) // *Церковно-исторический вестник* / под изд. Осиповой И. И., Рогинского А. Б. 1999. 2–3, С. 5–198.
43. Обречены по рождению... По документам фондов Политического красного Креста 1918–1922. Помощь Политзаключенным 1922–1937 / под изд. Должанской Л., Осиповой И. СПб., 2004.
44. Дорогая Екатерина Павловна... // Письма женщин и детей. Письма в их защиту, 1920–1936 / под изд. Должанской Л., Осиповой И. СПб., 2005.
45. *Леонтьев Я.* Политический Красный Крест в Москве: Опыт источниковедческого анализа // *Археографический ежегодник*. 1997.
46. *Горчева А.* Списки Пешковой // *Звезда*. 1996. Т. 3.
47. *Gorham M. S.* Speaking in Soviet tongues: language culture and the politics of voice in revolutionary Russia. DeKalb, 2003.
48. *Koselleck R.* Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, 1985.
49. *Sewell W.* Work and revolution in France: the language of labor from the Old Regime to 1848. Cambridge; N.-Y., 1980.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2009